

АЛЕКСЕЙ Максимович Горький
умер 18 июня 1936 года. Я был
у него в Крыму в Тессели 6 апреля,
то есть за два с лишним месяца до
смерти. Мы беседовали три часа.

Я работал тогда в «Комсомольской правде», заведовал отделом литературы и искусства. Газета выступила с несколькими острыми статьями. Не всем, разумеется, они пришлись по душе. Действие вызывало противодействие. Работа отдела затруднялась. Возникла мысль обратиться к Горькому. Написать ему? Но надеялся ли у него время ознакомиться со всеми материалами и ответить? Нужно встретиться, рассказать.

Письмо не заменит живого разговора. Значит, попросить разрешения приехать? Но какой будет ответ? Остается одно: на свой риск и страх сесть в поезд и поехать. Будь, что будет.

Мы подготовили альбом газетных вырезок. Ответственный редактор «Комсомольской правды» В. Бубекин написал Горькому коротенькое письмо. В нем содержалось несколько просьб: 1) принять меня; 2) в связи с приближающимся Х Всесоюзным съездом комсомола написать статью; и 3) дать отрывок из последней части «Клима Самгина».

Перед отъездом я заглянул к Николаю Островскому. Он передал для Алексея Максимовича свою книгу «Как закалялась сталь» с дарственной надписью и пожелал мне «ни пуха, ни пера». С тем я и уехал.

ПОЕЗД шел в Севастополь. Всю дорогу я беспокоился: состоится ли эта встреча, а если состоится, то как она пройдет? Нужно было внутренне подготовиться — ведь предстоял разговор с Горьким...

Я захватил с собой рассказы Горького и в который раз их теперь перечитывал — «Страсти-мордасти», «Двадцать шесть и одна», «Старуха Изергиль», «Мальва», «Челкаш»... Я следил сейчас не за сюжетом и конфликтом, не за характерами героев, не за их мыслями, не за языком повествования. Нет! Меня интересовал только автор. Каков он, этот человек? Как держать себя с ним? За всей словесной тканью я старался как можно лучше разглядеть его лицо.

Чем ближе подъезжал я к Севастополю, тем легче становилось у меня на душе, тем уверенней себя чувствовал: стало ясно, что никакой такой проблемы, «как вести себя», не существует, что Горький увидит тебя, порядок дня.

как бы ты себя ни вел. Единственное, что от тебя требуется, — это говорить то, что думаешь

УТРОМ 6 апреля я добрался до Тессели. «Тессели» — по-гречески тишина. И действительно, было здесь необычайно тихо: местность почти с трех сторон закрыта горами, а дача Горького на самом берегу моря, где нет проезжей дороги.

У остроконечной железной ограды — сторожка. Появился, прихрамывая, комендант. Я представился ему, рассказал, зачем приехал. Он строго оглядел меня и принял отчтыватель: как это так, без разрешения? Горький болен, о встрече не может быть и речи.

— Пусть сам Горький решит этот вопрос, — настаивал я. — Примет — хорошо. Не примет — так и быть. Только вручите ему письмо Бубекина.

Комендант улыбнулся.

— Ладно, — согласился он. — В час я передаю ему почту, передам и ваше письмо.

В тревоге провел я полтора долгих часа...

По аллее, прихрамывая,шел комендант.

— Вы родились в рубашке, — сказал он весело. — Горький примет вас ровно в пять.

ПЕРЕД тем, как направиться к заветному дому, комендант еще раз напомнил мне, что Горький болен, что нельзя утомлять его долгими разговорами, что я должен пробудить у него не больше двадцати минут. Если же хозяин по ходу беседы встанет из-за стола раньше, то это значит, что аудиенция окончена и нужно уходить.

...Мне с трудом удалось унять свое волнение. Когда я переступил порог комнаты, я увидел в конце длинного стола поднимающегося навстречу Алексея Максимовича — высокого, сутулого, худого, угловатого.

За столом находились еще И. П. Ладыжников с дочерью, О. Д. Черткова и жена сына Горького — Надежда Алексеевна.

Мы поздоровались, Алексей Максимович усадил меня рядом с собой и предложил пить чай. Я было начал извиняться за то, что своим внезапным приездом нарушил обычный рас-

— Какие могут быть извинения, — остановил он меня и положил на тарелочку кусочек торта. — Ешьте.

Я коротко напомнил ему о цели своего приезда.

— Статью к X съезду комсомола я для вас уже написал, — ответил он, — она послана в Москву. Ее передадут вам (это была статья «О формализме»).

Печатать отрывки из последней, заканчиваемой им тогда части «Клима Самгина» он категорически отказался.

— Дурная привычка. Дурная привычка, — повторил он, — печатать кусочки произведений. Никак не пойму, зачем это делают писатели?.. Ведь по отдельным частичкам правительского представления у читателя о большой вещи все равно не создашь. А то конфуз получается, чистый конфуз. Напечатаем кусочек, а потом поправлять да поправлять надо... Нет, никаких отрывков не дам. Вот закончу, тогда буду печатать.

Разговор оборвался. Итак, на две просьбы, которые содержались в письме редактора «Комсомольской правды», было отвечено. Что же делать дальше? Алексей Максимович пил чай. Я последовал его примеру. Минутная пауза. Он пододвинул ко мне коробку конфет.

— Ешьте, — и улыбнулся.

Глаза у него были глубокими, ясными, похожими на синь неба, на синь того самого моря, возле которого я недавно стоял.

Он готов был слушать. И я заговорил о самом главном — о положении в литературе, о сниженных требованиях, которые мы, критики, к ней предъявляем, о недавнем минском пленуме правления Союза писателей и о многом другом, что нас тогда волновало. Я знакомил Алексея Максимовича со всеми нашими выступлениями.

Он беспрерывно курил и порой мучительно, тяжело кашлял; кашель долгий, надрывный, перекатывающийся.

В дверях появился комендант. Это означало, что отпущеные мне двадцать минут уже прошли. Но тут начал говорить Горький.

— Очень хорошо, что комсомольцев по-настоящему волнует состояние литературы. Я давно об этом думал. Комсомол не может стоять в стороне от нашей литературы.

Зло высмеивал он «короткоумие», самодовольство, индивидуалистическую склонность некоторых «гениев», которые утратили чувство ответственности за свой труд... Критике не хватает широты обобщений, публицистичности. У нас все больше комментируют произведения или, в лучшем случае, сравнивают одно с другим и не сравнивают книгу с жизнью. Плохо видят молодых талантливых писателей.

Я передал Алексею Максимовичу подарок Островского и рассказал о том горячем отклике, который встретила среди молодежи книга «Как закалялась сталь», о том сильном впечатлении, которое она произвела, как и сама жизнь автора, на Ромена Роллана и Бабеля.

— Так вы говорите, он совершенна слепой? — спросил Алексей Максимович и задумался.

Я прочел ему выдержку из недавней речи Бабеля на писательском собрании: «...не стану говорить о достоинствах формальных или стилистических книг Островского, но скажу, что меня, чрезвычайно строгого читателя, книга Островского поразила. Давайте честно говорить. Это одна из немногих советских книг, которую я с любовью сердца до читал до конца, потому что там сильный, страшный человек, знающий, что он делает, говорит полным голосом».

— Бабель мудрый человек, — улыбаясь, сказал Горький, — мудрый человек... — Он погладил правой рукой свои редкие, порыжевшие от табака усы.

— А вот книги Островского, признаюсь, еще не прочел, — сказал он. — Обязательно прочту и напишу.

Горького тревожило будущее молодых литераторов, их крайне беспечное отношение к писательскому мастерству. Он сожалел, что существующий в Москве литературный университет плохо справляется со своей ролью, был озабочен тем, что мало уделяется внимания многонациональному советской литературе.

— Все еще никак не поймут, что советская литература не может не быть всесоюзной. Обязательно всесоюзной. Мы издаем сейчас альманах армянской литературы. Большое это дело, очень большое.

Алексей Максимович обратил внимание на то, что, увлекаясь количеством переводных произведений,

Встреча

С. ТРЕГУБ

ЛITERATURA I ZHIZN'
г. Москва

17 ИЮН 1960

в Тессели

Из воспоминаний

мы не всегда следим за качеством переводов. Переводами с языков так называемых малых национальностей (чувашей, марийцев, калмыков, караокалпаков и других) часто занимаются люди, абсолютно не знающие этих языков, как правило, неудавшиеся поэты. Они выхолащивают национальную форму этих произведений и дают нам не их естество, а суррогат.

— Нужно привлечь к переводам лучших писателей. Вот Николаю Тихонову удается сохранить аромат национальной формы. У него на это чутья больше, чем у других.

В это время пришел Гасем Лахути с женой: они отдыхали в Форосе. Беседа прервалась. Бану читала свои переводы. Горький говорит об исправлениях, которые нужнонести в поэму Лахути «Два ордена», принятую им для печати в «Колхознике».

Алексей Максимович рассказывал об этом журнале: лучшим отделом в нем он считал отдел науки.

Лахути и Бану ушли.

В дверях снова появился комендант.

Горький нервно постучал пальцами по столу, поднялся и взял меня за локоть.

— Пошли ко мне.

Он провел меня через застекленный коридор, увешанный клетками с певчими птицами, в свою рабочую комнату.

Алексей Максимович сел за письменный стол, вставил в мундштук новую сигаретку... Заговорили о театре...

— Я не театрал, — заметил он. — Только два раза был в МХАТе. Надо бы побольше страстей и настоящих характеров в пьесах!

И тут же преобразился, лицо стало моложе.

— Писатели вот, профессионалы, далеко не всегда умеют правдиво выразить чувства народа а непрофессиональным литераторам это удается. — Глаза его заискрились. Он начал рассказывать о подготовливаемом новом томе «Истории гражданской войны».

— Есть там рассказ Павла Петровича Постышева. Замечательный рассказ. На что я профессионал-литератор, а читал его с восторгом. Все просто, правдиво, трогательно.

— Нужно собирать и издавать легенды, сказания, народные песни,

сказал он. — В них много мудрости и неподдельной красоты.

Он уверен, что этот материал представляет огромнейшую ценность.

Коснулись развернувшейся борьбы с формализмом в музыке. Алексей Максимович нахмурился:

— Все это верно, только нужно больше растолковывать, что к чему. Вот Шостаковича побили. Талантливый он человек, очень талантливый. Я его слушал. Нужно было бы критиковать его с большим знанием дела и с большим тактом. Мы всюду ратуем за чуткое отношение к людям. Следовало бы проявить его и здесь.

Он одобрительно отнесся к инициативе черниговских комсомольцев, которые организовали литературные дни в колхозах.

— Молодцы! Нужно прививать вкус к хорошей книге, увеличивать «культурный паек».

Горький говорил о международном революционном значении нашей литературы. Он хвалил «Гренаду» Светлова.

— Но ведь этого мало, крайне мало. А где Гамбург? Вена?.. Где? Он одобрительно отзвался о книге Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм»:

— Вот бежал человек из Германии и какую вещь написал!

Потом вспомнил фашистские демонстрации в Италии, дегенеративных юношей, шагающих в фашистских колоннах:

— Какое отвратительное зрелище! Фашисты... Хочется бить, бить и бить эту гадину. — Голос его задрожал. — Гитлера нужно уничтожить. Мы, конечно, не сторонники индивидуального террора, но я думаю, что Гитлера нужно убить. Страшно подумать, сколько из-за него погибла замечательной молодежи, драгоценной энергии, культурных ценностей.

Он долго говорил о все возрастающей угрозе войны, о немецком и итальянском фашизме. Напомнил о плодотворной антивоенной работе, которую ведет Арагон.

...Мы заговорили о Ромене Роллане. Лицо Горького озарилось улыбкой.

— Замечательный, благородный человек. Он тяжело болен. Страшно болен. Но и до сих пор он сохранил замечательную работоспособность. Ежедневно по утрам, в постели, Роллан все еще ведет свой дневник. Стা-

рость не лишила его воли и не сделала дряблым. Какими огромными шагами идет к нам Роллан! Как раздавался он, наблюдая в дни своего пребывания в Москве демонстрацию на Красной площади. Роллан снова собирается к нам. Он старательно изучает русский язык. Я получаю уже от него письма с русскими словечками... Да, он хорошо видит сейчас опасность войны и готов бороться с ней по-настоящему...

БЫЛО 8 часов вечера. Я поблагодарил Алексея Максимовича за беседу. Он попросил притянуть послушать вместе с ним последние известия. Я же подумал о том, что и так отнял у него много времени, и, сославшись на усталость, отказался.

Алексей Максимович пригласил меня зайти утром, чтобы продолжить разговор при участии третьего человека, который должен был к нему приехать. Я счел это неудобным, сказал, что нужно торопиться в Москву, что там меня ждут.

...Горький обещал познакомиться с альбомом наших газетных вырезок. Поднявшись из-за письменного стола, он повторил на прощание:

— Очень хорошо, что комсомол обеспокоен неудовлетворительным состоянием литературы. Очень хорошо. Я думаю, что ваше вмешательство будет весьма полезным. Вы, безусловно, поможете оздоровить литературную среду. Я в этом уверен. «Комсомольская правда» должна последовательно, упрямо и неустанно бороться за оживление литературы, за активизацию литераторов, за воспитание в их среде дружбы и товарищества.

Он передал привет всему редакционному коллективу, и мы попрощались.

**

Из дома коменданта я немедленно телеграфировал в редакцию:

«Встреча состоялась. Выезжаю».

Алексей Максимович приспал мне в дорогу два горшка цветущих роз. С ними я и вернулся в Москву.

**

ВСПОМИНАЯ сейчас эту беседу, я опять подумал — это был самый легкий разговор в моей жизни.

На этом, казалось бы, можно было закончить рассказ о встрече в Тесселе-

ли. Но я полагаю, что читателям не безынтересно будет узнать, что за ней последовало. И именно потому я позволю себе обратиться к некоторым документам, связанным с этой встречей.

Спустя несколько дней после беседы Алексей Максимович писал в Москву: «Посылаю письма для Тихонова и Косарева. Беседа с Трегубом внушила мне, что такое письмо Косареву надо написать». (Из литературного архива А. М. Горького).

Письмо бывшему первому секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву начиналось словами:

«Уважаемый т. Косарев,

из беседы с т. Трегубом и статьей «Комсомольской правды», посвященной вопросам литературы, убеждаюсь, что комсомол намерен решительно взяться за бытовое и культурно-политическое оздоровление литературы. Очень хорошее намерение».

В мае, после X съезда ВЛКСМ, прибыло еще одно письмо. Оно было адресовано редактору «Комсомольской правды» В. Бубекину.

В этом последнем письме Алексей Максимович выразил свое полное согласие с речами тт. Косарева и Бубекина на X съезде комсомола. Он посоветовал организовать еженедельную полосу, посвященную литературе и литераторам.

«Это должна быть полоса, посвященная оценке текущих литературных событий, оценка в форме серьезных рецензий, очерков зарубежной антифашистской литературы и — главным образом — сатирическому и юмористическому освещению явлений, также и поведений. Привлечь пародистов: карикатуристов, сталкивать писателей лбами друг с другом и вышибать искры из их глаз, — что полезно для расширения поля зрения и для развития дальновидности».

Говорить, не боюсь повторяться, об интернациональном значении нашей литературы, о том, что работать надобно не из милости к читателю, как работают некоторые гении наши, а из сознания огромной значимости нашей книги, из сознания глубочайшей ответственности писателя перед читателем». (Литературный архив А. М. Горького).

В том же письме назывались и конкретные книги, о которых стоило бы написать.

«Комсомольская правда» осуществляла дружеские советы Алексея Максимовича.